

Причавши шумною волной,
Ударить вътрѣ о брегъ крушой
И всю на часки разбиваешь:
Такъ голосъ сей его перзаешь!

*Оскорбленный Супругъ, окруженный вельможами и тѣло-
хранителями, предсѣдаетъ въ Совѣтъ. Передъ нимъ
оба преступника. (*)*

X.

Возлѣ него, какъ онъ, нѣмая,
Споить красавица младая
И неподвижна и блѣдна...
Какъ взънылась она!...
Она, чьи очи голубыя,
Какъ солнце ясныя, живыя
Плѣняли прелестью своею;
Вельможи радостью сичинали
Сиюшь рабами передъ ней;
Красавицы перенимали
Ея осанку, звукъ рѣчей;
Всегда, во всемъ ей подражали.
Ахъ, если бы тогда у ней
Глаза наполнились слезами,
Стеклась бы волны толпами,
Сверкнули бы тысячи мечей!
Теперь, кто будетъ ей послушенъ?
Къ Царицѣ каждый равнодушенъ;
У предстоящихъ видъ суровъ;
Они молчатъ, не слышно словъ,
Но чувства ихъ на лицахъ видны:
Ей даже взоры ихъ обидны;

(*) См. *Новости Литтературы*, ч. IX, стр. 168. В.

У всѣхъ презрѣнье на устахъ.
Младый герой любимый ею,
Спражамъ окружень, въ цѣпяхъ,
Стоишь въ безмолвіи предъ нею;
Когда бѣ шлъ онъ мечъ въ рукахъ,
Безстрашенъ сердцемъ, благороденъ, —
Царицу бѣ онъ освободилъ,
Опасность смерти бы забылъ!.....
Но онъ закованъ, несвободенъ,
Онъ думой черной опятченъ;
Не смѣешь и взглянуть на слѣзы,
Которыхъ самъ причиной онъ.
Еще вчера младыя розы
У ней являлись на щечахъ;
Полна души, очарованья,
Была улыбка на устахъ
И привлекала цѣлованья;
Сегодня ужасъ и позоръ
Защмили красоту Царицы,
Спаль мушень полумертвый взоръ,
Смежились блѣдныя зѣницы;
Улыбки нѣтъ, она молчитъ,
И погасаетъ жаръ ланитъ.

Н. Маркевичъ.

С. Полошки.

154124.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

ОКТАБРЬ, 1825.

П Р О З А.

Письмо изъ Омска къ Графинѣ N. N

Не гнѣвайшесь, прекрасная Графиня, на долгое мое молчаніе, простите добровольному изгнаннику; онъ жестоко наказанъ за несоблюденіе обѣщанія: страшные мѣсяцы прошли, какъ вѣка, и ни одно благодѣтельное существо не перенесло ко мнѣ, ошь береговъ Невы — ни ошь Васъ грамотки, ни о Васъ вѣсточки . . . Напрасно, вперивъ неподвижный взоръ на клубящіяся волны Оми или Ирпына, ожидаю я какого-нибудь воздушнаго посланника, неземнаго жителя, счастливаго слугу прекрасной Графини; но ни Сильфы, ни ласковыя Феи Виланда не являлись очаровать радостною вѣсточкой грустнаго знакомца Вашего.

Не понимаю, гдѣ былъ мой умъ, (сердце, я знаю, лежало у ногъ Вашихъ), когда я согласился писать къ Вамъ, Графиня, разъ въ каждыя двѣ недѣли о здѣшнемъ ошдаленномъ краѣ! Согласенъ, что можно

Лн. ХІІІ.

І